
Изъ воспоминаній студента Московской Духовной Академіи XXXII курса (1873—1877 г.).

Заявивъ начальству Рязанской семинаріи о моемъ согласіи продолжать образованіе въ Духовной Академіи, я мало заботился о томъ, въ какую Академію меня пошлютъ. А о Московской Академіи я даже не зналъ, что она находится въ 66 верстахъ отъ Москвы, въ Сергіевомъ Посадѣ. Уже долго спустя потомъ я обратилъ вниманіе на то, что наиболѣе сильное впечатлѣніе и вліяніе на меня имѣли наставники и начальники изъ питомцевъ Московской Академіи— Грандилевскій и Калининковъ по словесности и литературѣ, священн. Теофилактъ А. Орловъ—по греческому языку, Садовниковъ—по философіи и психологіи, въ особенности Любомировъ—по догматикѣ и инспекторъ священн. П. Л. Лосевъ—по основному богословію. А ректоръ, прот. В. І. Гаретовскій, хотя и читалъ какія-то длиннѣйшія и скучнѣйшія выписки изъ разныхъ книгъ и статей по нравственному богословію, но имѣлъ благотворное вліяніе какъ тѣмъ, что освобождалъ ученическія головы отъ обремененія ихъ долбленіемъ безчисленныхъ рубрикъ учебника Солярскаго, такъ и въ несравненно большей мѣрѣ—своимъ добросердіемъ, благожелательностію и нѣжно-отеческою расположенностію къ семинаристамъ, явно подъ вліяніемъ усвоеннаго имъ духа Московской Академіи¹⁾.

¹⁾ Благотворно вліявшие наставники были и изъ другихъ Академій. Изъ Петроградской—*Г. К. Смирновъ* (нынѣ *Іоаннъ* архіеп. Рижскій), умѣвшій не только ясно, кратко и отчетливо объяснять весь сполна славянскій текстъ учительныхъ и пророческихъ книгъ Ветхаго Завета и, съ

Уже когда стало извѣстно о назначеніи меня въ Московскую Академію, я сталъ проявлять любопытство къ ней. Припомнилось одно заявленіе В. И. Любомира, сдѣланное имъ классу подъ вліяніемъ недовольства невнимательностью слушателей къ его объясненіямъ, что вѣдь эти объясненія онъ даетъ на основаніи лекцій замѣчательнѣйшаго русскаго ученаго богослова А. В. Горскаго, ректора Моск. Духовной Академіи. А объясненія Любомира цѣнились у семинаристовъ весьма высоко, такъ что онъ считался, такъ сказать, премьеромъ среди наставниковъ. И дѣйствительно, приятнымъ баритономъ и раздѣльно-медленною, пѣвучею, дикціей онъ умѣлъ кратко, ясно и общепонятно излагать самыя трудныя и отвлеченныя предметы догматики, напр. о предопредѣленіи, о свободѣ воли, о благодати, о происхожденіи зла и грѣха, о любви и правдѣ Божіей, о вѣчности мученій и пр. под. Сначала излагалась исторія догмата. Потомъ брались главнѣйшіе и наиболѣе прямо идущіе къ дѣлу тексты библейскіе и подвергались подробному истолковательному анализу. Далѣе—спорныя стороны догмата съ католиками и протестантами. Наконецъ—опроверженіе рационалистическихъ возраженій, о философско-логическое раскрытіе и обоснованіе догмата. Это—метода и матеріаль А. В. Горскаго, какъ узналъ я потомъ. Ничего подобнаго прежней долбежкѣ богословами выписанныхъ на отдѣльныя тетрадки текстовъ

присоединеніемъ греческаго текста, Евангелій и Дѣяній, но и, что не менѣе важно, заставить учениковъ усвоить объясненія,—Кіевской—свящ. *А. Феевъ*, глубокомысленно объяснявшій первое посланіе Іоанна и посланіе къ Римлянамъ и привлекавшій учениковъ къ самостоятельности, предоставляя имъ полную свободу предъявлять свои вопросы и недомѣнныя,—и особенно свящ. *Н. Ѳ. Глзбовъ*, поступившій въ Московскую Академію, но перешедшій въ Казанскую и тамъ окончившій курсъ,—знатокъ древнихъ и новыхъ языковъ,—прекрасный литургистъ, увлекавшій любопытными историко-археологическими объясненіями богослужебныхъ книгъ и чиновъ—рѣдкостный гомлетъ, умѣвшій выяснитъ величіе ораторскаго генія Филарета, Иннокентія и, особенно, Іоанна Смоленскаго,—занимательный и основательный преподаватель руководства для пастырей, заставлявшій читать въ греческомъ подлинникъ и славянскомъ переводѣ Апостольскія Правила и др. каноническія памятники и подвергавшій обсужденію разные казусы изъ пастырской дѣятельности и жизни. Онъ ходилъ въ классъ съ огромной тетрадью, изъ коей каждый классъ извлекалъ любопытныя сообщенія по преподававшимся имъ наукамъ.

изъ учебника Антонія или Макарія. Кромѣ чтенія записанныхъ и легко усвоимыхъ объясненій Любомирова мы ничего не учили, хотя официальнымъ учебникомъ значилась краткая догматика Макарія.

Объясненія Любомирова были первымъ моимъ литературно-научнымъ знакомствомъ съ А. В. Горскимъ. И я особенную благодарность имѣю къ незабвенному наставнику семинаріи потому, что мнѣ не пришлось слушать самого А. Васильевича: онъ умеръ въ томъ академическомъ году (1875—76), когда мнѣ слѣдовало бы слушать его курсъ догматики. Странно, что этотъ курсъ доселѣ не изданъ!?

Затѣмъ, при послѣднемъ прощаніи со мною ¹⁾, ректоръ Гаретовскій, съ замѣтнымъ воодушевленіемъ отъ пріятныхъ воспоминаній, сказалъ: „Прекрасно, что васъ назначили въ Московскую Академію,—жить тамъ превосходно, — кругомъ рощи и прекрасные пруды,—есть гдѣ погулять съ пользою для здоровья,—бывало, всласть и досыта нагуляешься, да и за работу—утромъ на лекціи или къ обѣднѣ, вечеромъ къ столу или конторкѣ за книгу или за сочиненіе,—профессора—рѣдкой доброты и учености“. На мой вопросъ: „Кто изъ нихъ самый замѣчательный?“ — отвѣтилъ: „Ректоръ А. В. Горскій,—поступайте на богословское отдѣленіе, будете слушать его и работать ему по догматикѣ“. Совѣтъ этотъ, благодаря Любомирову, былъ мнѣ по душѣ. Извѣстно мнѣ было еще только имя Кудрявцева. Но никакихъ сочиненій его я тогда не читалъ, да и было ихъ въ печати весьма мало. Я даже считалъ его историкомъ и смѣшивалъ съ профессоромъ Университета.

По выходѣ отъ ректора, предъ ступенями семинарскаго входа, встрѣтился съ Н. Ѳ. Глѣбовымъ. Онъ мнѣ тоже посоветывалъ поступать на богословское отдѣленіе. Но на мой вопросъ: „Кто тамъ замѣчательные профессора?“—съ обычно своею презрительною ужимкою губъ и засверкавшими большими синими глазами рѣзко отвѣтилъ: „Никого“. „А Горскій“, говорю,—„Кудрявцевъ?“—Болѣе я никого не зналъ

1) Станнымъ представляется мнѣ теперь, что семинарское начальство почему-то не посылало, какъ это было въ другихъ семинаріяхъ, за благословеніемъ къ архіерею—Алексію (Ржаницыну),—кажется, они были въ натянутыхъ отношеніяхъ. А самъ я, по обычаю, не догадался это слѣлать.

назвать. „Горскій?.. Да, это человекъ ученый“, какъ-то пренебрежительно замѣтилъ Н. Θ., а о Кудрявцевѣ — ничего ¹⁾.

Съ такими скудными свѣдѣніями о Московской Академіи прибылъ я въ Сергіевскіѣ Посадѣ на одномъ изъ вечернихъ поѣздовъ 12 или 13 августа 1873 года и остановился въ номерѣ новой лаврской гостиницы. Послѣ мытья и небольшой чистки отправляюсь въ Академію. Встрѣтившійся студентъ строго и рѣшительно заявилъ, что „папашка“ (первое слово, услышанное мною объ Академіи), т.-е. ректоръ Академіи А. В. Горскій очень не любитъ, чтобы новички останавливались въ гостиницахъ, и что надо сейчасъ же перебраться въ академическое помѣщеніе и явиться къ „папашкѣ“.

Я такъ и сдѣлалъ. Съ пожитками въ небольшомъ дешевенькомъ чемоданчикѣ парусинномъ прихожу въ спальня младшаго корпуса, гдѣ уже были почти всѣ экзаменаты-новички. Надо было сейчасъ же идти къ ректору. Уже вечеряло. Двери ректорской квартиры отворилъ и сдѣлалъ докладъ молодой, изящный и высокій брюнетъ въ чистой черной суконной парѣ и бѣлой крахмальной сорочкѣ — служитель Николай ²⁾. Низкая и темноватая, съ плоскими тяжелыми сводами и старинными рисунками и барельефами, облитирная и сараевидная, почти безъ мебели и цвѣтовъ, ректорская пріемная, какъ и вся квартира, такъ называемыя „чертоги“— произвела на меня впечатлѣніе не уютнаго жилья, а строго-серьезной, даже хмурой, подвижнической обители, лишь временно пріютившей у себя какого-нибудь странника и пришельца міра сего.

Такимъ на первой разъ показался мнѣ и обитатель этого

¹⁾ Этотъ странный отзывъ объясняется можетъ быть и какими-либо особенными обстоятельствами, мнѣ сейчасъ непозвѣстными, заставившими Н. Θ.—ча перебраться изъ Московской Академіи въ Казанскую, но всегдѣ вѣрнѣе непомѣрнымъ самомнѣіемъ его: повидимому онъ считалъ себя философомъ и сначала неудачно преподавалъ философію и психологію; составилъ даже учебникъ по психологіи, надо сказать правду—очень важный. Но это не воспрепятствовало ему потомъ обнаружить рѣдкостный талантъ преподавательскій по литургікѣ, гомилетикѣ и пастырскому руководству.

²⁾ Имя помню можетъ быть и не вѣрно.

..чертога“. Изъ-за тяжелой, темно - красного цвѣта, портьеры, отдѣлявшей гостинную отъ пріемнаго зала, появился и медленно, безъ звука, тяжелою поступью по узкому ковру— дорожкѣ шелъ, вѣрнѣе—шествовалъ приземистый, широкоплечій, нѣсколько грузноватый старецъ сѣдовласый въ шелковой блестящей темно-малиноваго цвѣта рясѣ съ бѣлою орденскою звѣздою на груди. Огромная, почти безъ растительности, круглая и нѣсколько приплюснутая голова,—широкій лобъ,—густая, окладистая и длинная серебристая борода,—короткій, прямой и рѣзко-очерченный носъ съ расширенными нѣсколько ноздрями,—длинные и тонкія губы съ высокоподстриженными усами (для совершенія Евхаристіи). Но особенно сильное впечатлѣніе на меня произвели большіе, сѣрые, широко раскрытые глаза, устремленные нѣсколько вверхъ, куда-то вдаль, отъ земли къ небу, или какъ-бы мимо земныхъ предметовъ въ міръ потусторонній,—вообще взоръ какой-то внутренній, изъ глубины духа смотрящій и въ то же время самососредоточенный, не блуждающій, но какъ бы остановившійся на чемъ-то одномъ, твердомъ и неподвижномъ. Такой взоръ, по-моему, долженъ быть у людей, послѣ долгихъ исканій нашедшихъ истину и спокойно ее созерцающихъ. Наконецъ густыя и длинныя сѣдые брови, нѣсколько сдвинутыя и нахмуренныя, придавали строгій и даже суровый видъ старцу. Величественный образъ Святаго Отца невольнo возникъ во мнѣ во время медленнаго и торжественнаго шествія этого маститаго старца, какою-то особенною духовною красотою сіялъ ликъ его, и въ мрачной пріемной какъ будто стало свѣтлѣе и привѣтливѣе. Потомъ, при благословеніи и первомъ близкомъ взглядѣ на старца, явилось чувство ученическаго благоговѣнія къ великому учителю, соединенное съ дѣтскою довѣрчивостью и сыновнимъ дерзновеніемъ къ „папашѣ“.

Эти святая минуты оставили во мнѣ на всю жизнь неизгладимое впечатлѣніе. Доселѣ я радостно и благовѣрно переживаю ихъ съ неослабною силою. Доселѣ вмѣстѣ съ впечатлѣніями дѣтства, онѣ составляютъ для меня предметъ самыхъ пріятныхъ сновидѣній. Благодарю Бога, благоволившаго мнѣ испытать эти святая чувства!

„Изъ какой семинаріи?—По назначенію или волонтеръ? Какъ фамилія?“— Эти, повидимому казенные и оффиціаль-

ные вопросы, говорились однакожь какъ-то особенно, ласково, отечески, пріятнымъ, какъ бы женственно - материнскимъ голосомъ—нѣжнымъ теноркомъ. Слѣдовали отвѣты. Все это въ видѣ бесѣды какъ бы равныхъ лицъ, при ихъ первомъ знакомствѣ,—просто, безъ всякой начальственной важности и натянутости.

Но дальнѣйшій вопросъ, какъ мнѣ показалось, былъ данъ какимъ-то другимъ голосомъ, наивно-пытливымъ, пожалуй дѣтски хитроватымъ: „Кто у Васъ преосвященный и ходилъ ли я къ нему за напутственнымъ благословеніемъ?“—Папаша конечно хорошо зналъ преосв. Алексія, прежняго ректора Академіи, и переписывался съ нимъ. Но навѣрно по прежнимъ курсамъ онъ замѣтилъ, что рязанцы не являются къ своему архіерею предъ отправленіемъ въ Академію. Пришлось смущенно отвѣтить: „нѣтъ“.—„Почему же?“—Сначала краснорѣчивое молчаніе, а потомъ школьническое „не догадался“. Вертѣлось на языкѣ мальчишеское: „меня не послали“, но я все-таки не сказалъ этого, чѣмъ и остаюсь весьма доволенъ доселѣ. Послѣдовалъ обычный въ подобныхъ случаяхъ тяжелый вздохъ папаша, сильнѣе всякихъ словъ выразившій что подобало. Этотъ вздохъ доселѣ ясно слышится мною и стыдитъ меня, хотя и за безсознательную неловкость по отношенію къ рязанскому Преосвященному Алексію. Послѣднимъ былъ вопросъ: „Не родня ли я преосв. Димитрію Муретову?“ На мой отрицательный отвѣтъ папаша нѣжно-материнскимъ теноркомъ и нѣсколько шутливо замѣтилъ: „А хорошо бы имѣть такого родственника?“—„Да, не дурно бы“, съ бурсацкою, какъ кажется мнѣ, и мало отвѣчавшею нѣжности папаша грубоватостію отвѣтилъ я. Потомъ приказаніе явиться сейчасъ же къ инспектору; благословеніе и конецъ пріема.

Восхищенный, я спустился по широкой лѣстницѣ изъ ректорской квартиры какъ-бы съ неба на землю. Уже совсѣмъ почти смерклося. На площадкѣ, предъ инспекторскомъ домомъ, меня окончательно привелъ въ себя и испугалъ громкій лафъ большой цѣпной собаки, раздавшійся изъ конуры на право отъ меня. На лѣво у дома въ полутьмѣ промелькнули двѣ, какъ показалось мнѣ, стройненькія и хорошенькія дѣвушки—подростки. Въ маленькой прихожей слышались веселые дѣтскіе голоса и звуки рояля. Сверху,

изъ свѣтелки, по узкой скрипучей лѣсенкѣ, тяжело спустилась грузная фигура *господина*, вмѣсто ожидавшагося и привычнаго мнѣ *отца*, инспектора, заполнившаго большую часть прихожей. Все было въ немъ внушительно: ростъ, объемъ, басистый голосъ, тяжелая голова безъ растительности, круглое большое лицо, безъ бороды и усовъ, нахмуренныя брови, большіе каріе и строгіе глаза, какъ-то особенно сжатія губы, даже руки, ноги и потертый засаленный халатъ. Повидимому господинъ инспекторъ былъ не въ духѣ, можетъ быть не во время отвлеченъ отъ какой-нибудь спѣшной работы. „Изъ какой семинаріи? Казенный или волонтеръ? Фамилія? Идите къ эконому“. Кратко, строго, по военному, маршъ—безъ разговоровъ. Держиморда—инспекторъ: было первое мое впечатлѣніе отъ Сергѣя Константиновича, оказавшееся потомъ всецѣло ложнымъ, такъ какъ онъ былъ инспекторомъ добрѣйшимъ и благороднѣйшимъ на рѣдкость.

Въ спальныхъ младшаго корпуса, на второмъ этажѣ, надъ номерами, мнѣ вмѣстѣ съ другими экзаменатами были уже приготовлены постель и желѣзная койка, подъ которой я помѣстилъ свой небольшой чемоданъ. Экзаменаты, въ количествѣ 50 человекъ, собрались, кажется, почти всѣ. Тутъ же со всѣми перезнакомился и сталъ на товарищескую ногу, какъ будто съ своими давними пріятелями. Многіе уже говорили на „ты“ и звали другъ друга только по отчествамъ или по имени и уменьшительными именами: Митричъ, Ильичъ, Викторовичъ, Костя, Яковъ... Прибыли изъ разныхъ губерній: Московской, Виѣанской, Рязанской, Тверской, Витебской, Курской, Черниговской, Минской, Могилевской, Орловской, Смоленской, Воронежской, Волынской, Ярославской, Новгородской, Калужской, Архангельской, Рижской, Харьковской, Владимірской, Екатеринбургской, Полтавской, Орловской, Тульской. Эта смѣсь разнобѣстныхъ молодыхъ людей вызвала живой обмѣнъ любопытныхъ свѣдѣній. Были люди разныхъ характеровъ и настроеній: отъ молчаливыхъ флегмъ до самыхъ горячихъ сангвиниковъ,—отъ благочестивцевъ, ходившихъ ежедневно и по два раза прикладываться къ мощамъ преп. Сергія, до веселыхъ анекдотистовъ потѣшавшихъ публику забавными разсказами. Въ этой сутолокѣ среди беззаботной молодежи потускнѣлъ образъ „папани“ и сглазилось впечатлѣніе перваго пріема у него.

На первый планъ выступила забота о экзаменахъ. Явилось 50 человекъ, а казенныхъ стипендій было только 30. Для меня содержаніе на свой счетъ было невозможно, и я пресерьезно струсиль, такъ что написалъ отцу, чтобы онъ на всякій случай выслалъ за мною подводу на станцію желѣзной дороги въ назначенное мною число, не помню какое. Въѣдъ присланные были все изъ перваковъ, и волонтерами могли быть только студенты, т.-е. перворазрядники. А нашъ классъ въ рязанской семинаріи составленъ былъ изъ второй, худшей половины прежняго риторическаго двухгодичнаго класса, такъ что, при преобразованіи, первая и лучшая половина перешла во второй классъ, а я остался въ худшей половинѣ, для образованія перваго класса.

Всего страшнѣе представлялись письменныя работы, ибо имъ давалось главное значеніе при приѣмѣ студентовъ. Бывшіе въ Академіи студенты старшихъ курсовъ рассказывали, что самыя трудныя темы даетъ и наиболѣе строго относится къ сочиненіямъ ректоръ,—что незадолго предъ нами былъ будто бы даже такой случай, когда всѣ экзаменаты написали ему неудовлетворительныя сочиненія, — что онъ заставилъ ихъ писать вторично, и они были приняты только благодаря малочисленности экзаменатовъ, явившихся въ количествѣ менѣе числа казенныхъ стипендій.

Страшный день наступилъ. Мы собрались въ самой большой аудиторіи, разсѣлись по длиннымъ партамъ, у каждаго были казенныя бумага, перо и чернила. Ровно въ 9 часовъ утра величественно вошелъ инспекторъ въ форменномъ фракѣ и торжественно, высокимъ и могучимъ басомъ, возгласилъ:

„Тема по догматическому богословію:

„Если Духъ Святой, дѣйствующій въ Церкви Христовой, и нынѣ живетъ въ Ея членахъ и управляетъ Ею, то почему первоначальное устройство Церкви должно считаться нормою для Нея, когда въ Церкви, какъ въ живомъ организмѣ, съ теченіемъ времени могутъ появляться новыя потребности“?

„Подать сочиненія къ 2-мъ часамъ“. И также величественно и торжественно вышелъ.

Длинная и сложная тема ошеломила всѣхъ,—и меня. Ее написали сейчасъ же мѣломъ на доскѣ. Продолжительное молчаніе. Потомъ стали перешептываться между собою со-

сѣди-земляки,—потомъ послышался шелестъ листовъ, ибо не запрещалось имѣть книги и записки,—наконецъ громкіе разговоры и совѣщанія. У меня не было ничего. Но я очень скоро разобрался въ темѣ и постигъ ея задачу.

На листѣ крупнаго разгонистаго письма, гдѣ сама тема заняла почти всю первую страницу, я далъ приблизительно такой орвѣтъ:

Церковь, по ученію Ап. Павла (1 Кор. 12 гл. Ефес. 4, 10—16 и пр.), есть живой организмъ Тѣла Христова. А всякій организмъ живетъ и развивается по своему типу-идеалу, служащему для него нормою его жизни. Во время жизни и развитія организма въ немъ должны возникать и удовлетворяться только тѣ потребности, кои напередъ уже даны въ его типѣ-идеалѣ, всякія другія потребности будутъ инстинкты по отношенію къ организму, вредны для него и даже убійственны. Такъ это въ растеніяхъ и въ человѣческомъ тѣлѣ. Слѣдуютъ частные примѣры и доказательства. Церковь, по ученію апостольскому, есть также организмъ, живущій и стройно растущій подѣ главенствомъ Христа и живымъ воздѣйствіемъ Святаго Духа—въ мѣру возраста совершеннаго по Христу Богочеловѣку, доколѣ Онъ вообразится во всѣхъ,—доколѣ Церковь станетъ полною Наполняющаго все во всемъ, и Богъ будетъ все во всемъ (цитаты). Христось-Богочеловѣкъ есть идеалъ и глава Церкви, Духъ Святой—жизненная сила Ея историческаго развитія, а первоцерковь—наиболѣе чистое проявленіе и совершеннѣйшее осуществленіе типа Церкви, который и долженъ служить нормою для всей послѣдующей исторіи церковнаго организма. По этому Церковь во все, назначенное Ей время жизни и историческаго развитія, должны восприниматься и осуществляться только тѣ, вновь возникающія, потребности и запросы, что соотвѣтствуютъ Ея идеалу и типу—Богочеловѣку-Христу и Первоцеркви. Только такія потребности могутъ служить къ дальнѣйшей жизни и преуспѣянію Церкви на пути Ея историческаго движенія къ своему идеалу. Напротивъ, все противорѣчащее идеалу и типу, или уклоняющееся, даже только несоотвѣтствующее,—все таковое вредитъ церковной жизни, замедляетъ, временно задерживаетъ проявленіе и осуществленіе предназначенной Ей полноты Наполняющаго все во всемъ.

Можетъ быть теперь я не съ буквальною точностью передаю содержаніе моего сочиненія. Но мысли были изложены такія, въ такомъ логическомъ построеніи и такимъ языкомъ.

Самъ я былъ очень доволенъ своимъ отвѣтомъ, но только до ужина того дня. На послѣужинномъ гуляньѣ въ академическомъ саду меня встрѣтилъ студентъ 2-го курса, быстро со всѣми новичками перезнакомившійся и словоохотливый тулякъ. Началъ разговоръ о трудности папашкиной темы и спросилъ, что я написалъ. Я вкратцѣ изложилъ содержаніе моего отвѣта. Тотъ какъ-то сомнительно, даже недобрительно покачалъ головою и сказалъ, что надо бы писать о неповторной полнотѣ даровъ Святаго Духа въ первенствующей Церкви и о томъ, что все нужное для Церкви всѣхъ вѣковъ проявлено и осуществлено въ ней (излагаю своими словами мысли этого студента).

Признаюсь, я сильно струсиль отъ этихъ словъ. Мнѣ показалось неопровержимо-вѣрными и вполне православными эти мысли. Да и кого я ни спрашивалъ, всѣ писали такъ. Напротивъ, мой отвѣтъ мнѣ показался не только не основательнымъ логически, но и неправославнымъ, невѣрнымъ догматически.

Струхнулъ я такъ, что на слѣдующій день уже самымъ рѣшительнымъ тономъ написалъ отцу выслать къ назначенному сроку лошадь за мною.

Удовлетворилъ ли мой отвѣтъ А. В.—ча и соответствовали ли онѣ его собственнымъ взглядамъ, я не знаю пока, но онъ получилъ хорошую оцѣнку, быть можетъ не за рѣшеніе вопроса, а только за литературность изложенія и логичность построенія. Въ официальномъ списокѣ сочиненія помѣчены: баллами: одно—4^{1/2}, четыре—4, четыре—2, прочія—3^{1/2} и 3.

Второе сочиненіе писалось профессору по теоріи эстетики и исторіи литературы иностранной и русской Е. В. Амфитеатрову. Студенты старшихъ курсовъ намъ сообщили, что этотъ старецъ очень строго и своеобразно цѣнить сочиненія студентовъ: надо было непременно писать то, что думаетъ онъ самъ, и языкомъ изысканно-картиннымъ и поэтичнымъ,— что онъ строгій блюститель старинныхъ литературныхъ преданій, — не терпитъ никакихъ новшествъ и пр. въ томъ же духѣ. И дѣйствительно, какъ бы въ подтвержденіе этихъ сообщеній была дана тема:

„Можно ли одобрять усилія современныхъ педагоговъ събъ облегченіи способовъ обученія“?

Положеніе было затруднительное. Написать и раскрыть отвѣтъ рѣшительно-отрицательный мнѣ казалось самоочевидною нелѣпостью. А писать въ положительномъ смыслѣ, значило рисковать удовлетворительнымъ балломъ. Рѣшилъ слѣдовать методѣ, выражаемой поговоркою: „и овцы цѣлы и волки сыты“, по схемѣ уступительнаго періода: „хотя—однако“. Раздѣлилъ отвѣтъ на двѣ половины. Въ первой раскрывалась польза новѣйшихъ дидактическихъ методовъ обученія (Ушинскій и др., ускореніе обученія, развитіе любознательности, сообразительности, охоты къ ученію, примѣрныя сопоставленія съ старыми: буки-онѣ бо-бо-глаголь-ерь-Богъ, глаголь-онѣ-го-го-слово-покой-онѣ-спо-госпо-добро-ерь-дѣ-Господь). Во второй говорилось о вредѣ этихъ методовъ: недостаточное развитіе въ ученикѣ памяти, самостоятельности, трудолюбія, сосредоточенности, настойчивости и пр. Все это изложено было на двухъ листахъ (16 страницъ) мелкой скорописи, хлесткимъ стилемъ, съ знаками удивленія и восклицанія, рѣзкими выраженіями. И на этомъ сочиненіи въ спискѣ стоитъ отмѣтка 4½ на моемъ и еще на двухъ сочиненіяхъ (Зеленева и Мигаева), прочія—4, 3 и двѣ 2.

Для третьяго экспромта по Священному Писанію тема дана была архимандритомъ Михаиломъ, но не помню точно самой темы,—что-то объ истинныхъ и ложныхъ пророчествахъ, кажется, объ отличительныхъ признакахъ тѣхъ и другихъ. Тема простая, шаблонно-семинарская, вѣрнѣе безземная, притомъ подробно и прекраснымъ языкомъ раскрытая во „Введеніи Макарія“, долбившемся семинаристами въ 5-мъ классѣ. Не о чемъ было задумываться, я старался только о томъ, чтобы писать своими словами. Никакого впечатлѣнія это сочиненіе во мнѣ не оставило,—не помню ни его содержанія, ни размѣровъ. Но баллъ на немъ стоитъ выше, именно 5, имѣющееся еще на сочиненіи Перова, затѣмъ двѣ 4½, четыре 4, одна 2½, одна 2, прочія, 3½ и 3.

Началась страда экзаменаціонная.

По догматикѣ экзаменовалъ А. В—чь съ двумя ассистентами: П. И. Казанскимъ и И. Д. Петропавловскимъ. Во время каникулъ, кромѣ изучавшихся къ семинарскому экзамену — учебника Макарія и классныхъ записей дополне-

ніи Любомирова, я читаль кое что изъ большой догматики Макарія и догматику Филарета. Предметъ этотъ былъ въ семинаріи мною самый любимый, и я хорошо подготовился, — тѣмъ болѣе, что въ іюнѣ приходилось сдавать экзамень въ семинаріи. Вызывали въ алфавитномъ порядкѣ, и экзамень производился по билетамъ. Мнѣ достался билетъ съ краткою и общею написью: „Объ Ангелахъ“. Билетъ изъ самыхъ легкихъ и простыхъ,—тѣмъ болѣе, что напись открывала возможность говорить, что знаешь. Я сталъ излагать исторію ученія объ Ангелахъ: сначала по книгѣ Бытія—о грѣхопадении прародителей и архангелѣ при вратахъ рая,—объ ангелахъ, являвшихся Аврааму, объ Ангелѣ Іеговы,—потомъ по всему пятокнижью, книгѣ Іисуса Навина и другимъ историческимъ книгамъ, по книгѣ Іова, Псалмамъ, Пророкамъ дополненнымъ и послѣпленнымъ, по Новому Завету... Тутъ А. В—чь остановилъ меня и спросилъ: „А что же вы молчите о твореніи Ангеловъ“? Отвѣчаю: „о твореніи Ангеловъ въ Библии не говорится, это—ученіе свято-отеческое, а не библейское: Отцы подъ „небомъ“ начального стиха Библии разумѣли міръ небесныхъ духовъ“. Вопросъ: „А что говорить прокимень въ службѣ Михаилу Архангелу“?—Я смутился: въ семинаріи 8-е ноября не праздновалось, и я никогда не былъ на этомъ богослуженіи. Но подумаль о пс. 103,4 и Евр. 1,7, такъ какъ этотъ текстъ въ какомъ-то изъ пособій моихъ толковался въ смыслѣ указанія не на твореніе ангеловъ, а на служеніе Богу вѣтровъ и молніи. Начинаю нерѣшительно и запинаясь; „это — псаломъ“... А. В—чь, быстро перебивая меня: „Да, да... Творяй Ангелы своя и пр.“. Очевидно, онъ замѣтилъ мое литургическое невѣжество и явно торопился подсказать мнѣ. Уже смѣло отвѣчаю: „Тутъ говорится не объ Ангелахъ и ихъ твореніи, а о томъ, что Богъ всемогущую волю Свою проявляетъ и посредствомъ вѣтровъ и молніи,—и слово ангелъ здѣсь указываетъ не на Ангеловъ—духовъ небесныхъ, а имѣетъ значеніе нарицательное—вѣстники“. Такое толкованіе было дано въ какомъ-то изъ бывшихъ у меня пособій—у Филарета или въ классныхъ записяхъ, а можетъ быть тамъ и здѣсь, не помню. „Кто въ вашей семинаріи преподаетъ догматику“? спросилъ А. В—чь. „Любомировъ“, отвѣтилъ я. Вѣроятно въ моемъ отвѣтѣ онъ услыхаль изложеніе своихъ собствен-

ныхъ лекцій. Затѣмъ обычнымъ „довольно“ А. В—чь отпустилъ меня.

Во все время моего отвѣта А. В—чь, казалось мнѣ, смотрѣлъ на меня или мимо меня какъ-то особенно привѣтливо: лицо его какъ будто становилось свѣтлѣе, голосъ ласковѣе, въ глазахъ видѣлось одобреніе и удовлетвореніе.

Мое самочувствіе очень поднялось. Самъ я былъ вполне доволенъ своимъ отвѣтомъ и считалъ его весьма удачнымъ. А привѣтливость и одобреніе А. В—ча внушили мнѣ мысль, что и сочиненіемъ моимъ онъ доволенъ, по крайней мѣрѣ оно не противно ему.

Самымъ непріятнымъ для меня былъ экзаменъ по церковной исторіи. Въ семинаріи я получилъ отвращеніе къ исторіи, благодаря учебникамъ Иловайскаго: кромѣ побасенокъ я былъ не въ состояніи усвоить и передавать написанное въ немъ,—отвратительною казалась самая печать—какая-то экономическая, слитная, не оставляющая въ глазахъ и въ памяти никакихъ впечатлѣній, кромѣ утомительнаго однообразія. Къ счастью наставникъ И. С. Протопоповъ не особенно утруждалъ учениковъ: посѣщалъ классы рѣдко (онъ былъ подверженъ ужасному національно-русскому недугу, теперь прекращенному, и удаленъ потомъ изъ семинаріи, какъ и другой наставникъ по словесности и литературѣ—Калининковъ). А когда посѣщалъ, то замѣнялъ Иловайскаго своими собственными разказами, записывавшимися и усваивавшимися очень легко. Любопытно, что къ экзамену я могъ выучить по Иловайскому только одинъ первый билетъ, начинавшійся такъ: „Вдоль восточнаго берега Средиземнаго моря, по склонамъ Ливанскихъ горъ лежала страна, извѣстная въ Библии подъ именемъ Ханаана и пр.—сильно о немъ думалъ и вынулъ именно этотъ билетъ. То же было и по русской гражданской исторіи, но тамъ я зналъ цѣлый отдѣлъ, начинавшійся Петромъ Великимъ, и вынулъ билетъ именно изъ этого отдѣла. Счастье—это, или что иное,—не знаю. Не лучше были и уроки,—сначала литографированные, а потомъ печатные,—Евграфа Смирнова по церковной исторіи: какой-то конспективно-календарный справочникъ годовъ, лицъ, событій, безъ внутренне прагматической связи. Смирновъ заставлялъ учить свои записки буквально и всегда спрашивалъ изъ всего прежде выученнаго. Впрочемъ мы

скоро приспособились къ такой невозможной долбнѣ: текущій урокъ отвѣчающій ученикъ читалъ прямо по записи. ибо преподаватель былъ очень близорукъ и сидѣлъ далеко отъ парты,—а вопросы изъ пройденнаго у него были одни и тѣже и въ небольшомъ числѣ, такъ что всѣ они были выписаны на отдѣльномъ листкѣ и обычно пробѣгались во время перемѣны тѣми, кто по догадкамъ и очереди, подвергался спросу въ настоящій урокъ. Русская церковная исторія изучалась слабо, преподаватель былъ не строгій, витиевато и напыщенно написанный учебникъ Филарета проходилса кое-какъ, съ пятого на десятое. Притомъ позволялось замѣнять Филарета уже вышедшимъ тогда учебникомъ Знаменскаго, написаннымъ изящно и занимательно.

Не помню, кѣмъ распространено было предъ каникулами извѣстіе, что экзамена по русской церковной исторіи въ Московскои Академіи не будетъ, такъ какъ профессоръ этой науки (Е. Е. Голубинскій) находился въ заграничной командировкѣ. Поэтому пріятный учебникъ Знаменскаго я не бралъ въ руки, а противныя записи Е. Смирнова я даже и не имѣлъ у себя на каникулахъ, а подчитывалъ уже въ Академіи.

Какъ непріятно было узнать уже на самомъ экзаменѣ, что къ билетамъ А. П. Лебедева по общей церковной исторіи председательствовавшій и на этомъ экзаменѣ А. В. Горскій подложилъ нѣсколько билетовъ и по русской. Третьимъ сидѣлъ Н. И. Субботинъ.

Вынулъ билетъ о Константинѣ Великомъ. Плоховато зналъ и весь учебникъ, а этотъ билетъ—хуже всего. Припомнилъ кое что небольшое объ обращеніи Константина въ христіанство. Въ учебникѣ Смирнова былъ перерывъ: съ 313-го года рассказъ сразу переносился къ 325-му. Тутъ А. П. Лебедевъ меня остановилъ и рѣзко замѣтилъ: „а что было послѣ 313-го года?“ Я посмотрѣлъ недоумѣло и тоже можетъ быть грубовато отвѣтилъ: „ничего“. А. П. заволновался, задвигался на креслѣ и раздражительно сказалъ: „какъ такъ ничего? такъ ничего и не было?“—Вообще А. П. на экзаменѣ держалъ себя не спокойно, горячился, отварачивался отъ А. В.—ча и какъ будто пикировался съ нимъ. А А. В.—чь то глубоко вздыхалъ, то посматривалъ на него какъ будто насмѣшливо или даже съ сожалѣніемъ если не пренебрежительно-

но. Впослѣдствіи, уже профессоромъ, при близкомъ знакомствѣ съ А. П—мъ, я узналъ, въ чемъ было дѣло. Горскій и его преемникъ, послѣ іером. Іоанна Митропольскаго (1862—1870), Лебедевъ были полныя противоположности. Горскій—знатокъ и аналитикъ въ подлинникахъ едва ли не на всѣхъ языкахъ первоисточниковъ не только церковной исторіи, но и всѣхъ смежныхъ дисциплинъ: Священнаго Писанія, догматики, патристики, каноники, литургики и т. д.—Лебедевъ едва ли читалъ и научно анализовалъ хотя бы одинъ первоисточникъ въ цѣломъ видѣ, всесторонне и въ подлинникъ, — онъ былъ всецѣло погруженъ въ изученіе новѣйшей иностранной литературы своего предмета. Горскій — тяжелый, но глубокій мыслитель-богословъ, — Лебедевъ — легкій и занимательный рассказчикъ. Горскій — изслѣдователь и проявитель идей и смысла исторіи, Лебедевъ — наблюдатель и раскладчикъ фактовъ и событій. Горскій — богословъ, Лебедевъ—историкъ. Контрастъ можно бы провести и далѣе. Понятно, почему Лебедевъ—профессоръ не сочувственно отзывался о Горскомъ, даже пренебрежительно,—укорялъ его въ отсталости, въ незнакомствѣ съ новѣйшими движеніями научными на западѣ,—въ томъ, что его знанія остановились на Неандерѣ и пр. Съ своей стороны и Горскій не могъ, конечно, сочувствовать направленію и методу Лебедева, его нѣкоторой легкости. Этимъ объясняется и то, повидимому, странное явленіе, что лекціи А. В—ча по церковной исторіи доселѣ не напечатаны и составляютъ пока достояніе высоко-цѣннаго въ научномъ отношеніи „Архива Горскаго“ въ библіотекѣ Императорской Московской Духовной Академіи. Я хочу сказать, что на ближайшихъ преемникахъ А. В—ча должна лежать главнѣйшая тяжесть ответственности за то, что его лекціи доселѣ не изданы. Я убѣжденъ, что при общей зависимости этихъ лекцій отъ Неандера, идейная сторона ихъ глубоко оригинальна,—и что среди заимствованій въ нихъ навѣрно есть не мало самобытнаго въ частныхъ отступленіяхъ и трактаціяхъ историческаго, археологическаго, каноническаго и догматическаго характера. А его лекціи по догматикѣ навѣрное оригинальны всѣ цѣликомъ и доселѣ имѣютъ высокую научную цѣнность. Первый долгъ Академіи, празднующей свое столѣтіе—немедленно же издать эти лекціи.

На послѣднее замѣчаніе Лебедева: „Такъ-таки ничего за двѣнадцать лѣтъ? Что же? Никакихъ событій и внигдѣ“? Тутъ и я рѣзко отвѣтилъ: „Ну, конечно не метафизическая или Торичеллиева пустота! Кому въ голову взбредеть такая невозможная нелѣпость! Историческія событія, конечно были, но мнѣ они неизвѣстны, потому что о нихъ ничего не сказано въ учебникѣ“!—Повидимому, только такого отвѣта и добивался отъ меня Лебедевъ.

Во время этого нелѣпаго и мальчишескаго препирательства А. В—чь, мерещилось мнѣ, стоялъ на моей сторонѣ, улыбался снисходительно и даже, казалось, поощрительно.

Дѣло однакожь, какъ узналъ я потомъ отъ самого А. П—ча, могло принять неожиданно плохой для меня оборотъ. А. В—чь выручилъ. Онъ замялъ препирательство вопросами изъ всей программы. Спросилъ объ Оригенѣ, его ученіи, сочиненіяхъ, осужденъ ли онъ, на какомъ соборѣ осуждены монофелиты и пр. Почти всѣ эти вопросы входили въ опросный листокъ Е. Смирнова. На всѣ вопросы я отвѣчалъ быстро и вѣрно.

Впослѣдствіи, уже находясь со мною въ близкомъ знакомствѣ и даже пріятельствѣ, А. П—чь разсказалъ мнѣ объ этомъ экзаменѣ. Не предполагая во мнѣ скорого первака 32-го курса и будущаго товарища-профессора, онъ поставилъ мнѣ неудовлетворительный баллъ: 2—. Но когда коммиссія стала выводить средній баллъ, А. В—чь рѣшительно и даже съ негодованіемъ (какъ сообщалъ А. П—чь) возражалъ противъ такой отмѣтки, между прочимъ сообщивъ, что я написалъ сочиненіе отлично, лучше всѣхъ экзаменатовъ.

Затѣмъ былъ экзаменъ по логикѣ. Учебникъ Свѣтилина я почти весь зналъ наизусть (это—не исторія Иловайскаго и Смирнова!). Билетъ: „о силлогизмѣ“. Отвѣтилъ отчетливо. Предсѣдательствовавшій на экзаменѣ В. Д. Кудрявцевъ (присутствовалъ еще А-ндрѣ П. Смирновъ—психологъ) спросилъ, не знаю ли я какого примѣра изъ Нбваго Завѣта. Отвѣчаю указаніемъ на извѣстную рѣчь Гамалиила въ книгѣ Дѣяній, при судѣ Синедріона надъ Апостолами. Этотъ примѣръ, кажется, есть и въ учебникѣ.

Послѣдній экзаменъ—по греческому языку. Экзаменовалъ инспекторъ С. К. Смирновъ. Спрашивалъ переводъ съ гре-

ческаго à livre ouvert какого то отца, кажется, Кирилла Александрійскаго, по христоматіи, въ порядкѣ текста и вызывая по алфавиту. Въ партахъ были и лексиконы и грамматики. Зная очередь и слѣдя за текстомъ, нетрудно было напередъ подготовиться къ переводу своего отдѣльца. Въ экзаменаціонныхъ табеляхъ всѣ отвѣты помѣчены баллами 5, кромѣ 4-ки по церковной исторіи.

Наконецъ—медицинскій осмотръ въ больницѣ благодушнѣйшимъ острякомъ Ниломъ Петровичемъ Страховымъ. Къ больницѣ онъ безъ кучера подѣхалъ въ какой-то странной, мною никогда и нигдѣ и прежде и послѣ невиданной, маленькой, чуть не игрушечной кареткѣ, закрытой сверху, съ окнами по бокамъ и отверстіемъ для возжей и окномъ спереди. Въ ней съ трудомъ помѣщался довольно тучный докторъ. Запряжка въ одну лошадь,—большая и смѣшная кляча, съ вытянутою мордою, длинными ушами и длиннымъ хвостомъ,—поджарая, длинноногая, худая. Какъ бы въ контрастѣ лошади, изъ каретки, пыхтя и ворочаясь, едва вылѣзъ круглый, толстый небольшого роста человекъ. Гладко стриженный, лицо круглое, бритое, красное, лоснящееся, смѣющееся. Получалось впечатлѣніе клоунскаго номера въ циркѣ. Начался осмотръ, съ разными шутками-прибаутками, въ присутствіи инспектора С. К. Смирнова, тоже порядочнаго каламбуриста. Меня, раздѣтаго наголо, Н. П.—чь не сталъ остукивать и выслушивать, а только заставилъ обернуться и сказалъ С. К.—чу: „Годень въ моряки,—плавать умѣешь?“ —„Умѣю“.—„Ну, будешь тутъ ловить лягушекъ“.—Впослѣдствіи, лѣтомъ, во время каникулъ, мнѣ дѣйствительно приходилось разгонять скуку ловлею тритоновъ на удочку въ прудикѣ, находившемся въ монастырскомъ саду.

Во время экзаменовъ у меня стала являться надежда на то, что, пожалуй, я и поступлю въ Академію. Но увѣренности все-таки не было. Насталъ часъ приговора. Передъ обѣдомъ, около часу дня, явился инспекторъ съ листомъ въ рукахъ. Медленно, величественно и торжественно онъ вынулъ изъ бокового кармана форменнаго фрака футляръ съ очками, а изъ задняго—шелковый цвѣтной платокъ, — досталъ и вытеръ очки, надѣлъ и сталъ читать высокимъ и сильнымъ басомъ:

„Митрофанъ Муретовъ, Яковъ Зеленева и пр.“ Этотъ пе-

речень фамилій С. К.—чь не предварилъ ни однимъ словомъ, вѣроятно изъ склонности къ шуткамъ, желая можетъ быть пострадать принятыхъ студентовъ,—а можетъ быть я отъ волненія не обратилъ вниманія на тихо сказанныя слова. Во всякомъ случаѣ съ сердечнымъ трепетомъ и затаеннымъ дыханіемъ я услышалъ прежде всего свою фамилію. Что это значить? Первый изъ невыдержавшихъ? — думаю, находясь въ состояніи какого-то столбняка. Такъ далека была отъ меня мысль поступить первакомъ. Но вотъ по уходѣ инспектора ко мнѣ на шею бросается и меня цѣлуетъ Зеленева. Радостно догадываюсь, наконецъ узнаю. Началось общее ликованье, поздравки... Тридцать человѣкъ принято на полное казенное содержаніе, одинъ—условно, восемь—на свое иждивеніе, а шестерымъ отказано въ приѣмѣ. Потомъ, независимо отъ общаго экзамена, были присоединены: черногорець и грузинъ и вольнослушатели: В. С. Соловьевъ, извѣстный потомъ философъ, еврей Зюсьманъ и два студента семинарій. Что было съ непринятыми и какъ они себя держали, не замѣтилъ,—ни съ кѣмъ изъ нихъ я не познакомился близко во время экзаменовъ.

Кончилось. Немедленно посылаю радостное и горделивое сообщеніе отцу (вотъ-де каковы мы!), извиняюсь за беспокойство съ подводю. Но отецъ, какъ оказалось, зная мою мнительность и трусливость, и не думалъ дѣлать напрасный 55-верстный променады, спокойно ожидая извѣстія о моемъ поступленіи въ Академію.

Пишу письма своимъ бывшимъ начальникамъ—ректору и инспектору семинаріи,—съ признаніемъ собственного достоинства описываю письменныя и устныя экзамены, кажется, съ критикою темъ и экзаменаторовъ, особенно Лебедева,—какъ равный у равныхъ прошу, какъ бы въ награду себѣ, за отличіе семинаріи въ моемъ лицѣ, передать мою 40-рублевую годовую стипендію брату, находившемуся въ 4-мъ классѣ и занимавшему далеко не первое мѣсто въ спискѣ, кажется, даже и не въ первомъ десяткѣ. (Все таки исполнили мою просьбу).

Такъ началась моя студенческая жизнь въ составѣ студентовъ 32-го курса Московской Духовной Академіи (1873—1877 г.г.). Какъ это ни странно, но я никакъ не могу припомнить молебна передъ началомъ ученія, кто служилъ, и

было ли произнесено слово. Не знаю, чѣмъ это объяснить. Остается только глубоко сожалѣть объ этомъ особенно теперь, при писаніи этихъ воспоминаній.

Пользуясь свободнымъ отъ занятій временемъ, я ѣду смотрѣть Москву съ товарищемъ изъ Риги Х. Н. Гроздовымъ. Остановились въ Троицкомъ подворьѣ. Ничто въ ней не произвело на насъ особенно сильнаго впечатлѣнія: ни царь-пушка, ни царь-колоколъ, ни Мининъ съ Пожарскимъ, ни Москварѣвка, ни зданія. Храмъ Христа Спасителя еще не былъ оконченъ. Только уже потомъ, спустя долгое время, я понялъ, что Москву нельзя *смотреть*,—ее надо *изучать*, въ ней надо *жить*, чтобы постигнуть всю ея самобытно-русскую прелесть,—ея мощь вѣшнюю и внутреннюю,—именно то, что она есть сердце и душа великой и мощной Руси. Нѣсколько удивили насъ движеніе на улицахъ, тротуарахъ, площадяхъ,—и суতোлка въ торговыхъ рядахъ. Съ большимъ любопытствомъ осмотрѣли Румянцевскій Музей и Зоологическій садъ. Рѣшили посѣтить самую лучшую тогда гостиницу или отель Дюссо, гдѣ, какъ мы слышали отъ кого-то, останавливались только архіереи и генералы. Парадный подъѣзъ, величественный швейцаръ въ ливреѣ, шикарная лѣстница. Несмотря на наши, совсѣмъ ужъ не барскія пальто и фуражки, насъ всетаки впустили въ общій роскошно отдѣланный бархатомъ, шелкомъ и картинами залъ. Лакей во фракѣ, крахмальной чистой сорочкѣ и безукоризненно бѣлыхъ перчаткахъ вѣжливо подаль намъ кофе на двоихъ въ серебряномъ кофейникѣ и со всѣми вообще серебряными приборами,—съ булочками, сухариками и сливочнымъ масломъ. Показалось очень вкусно. Взяли только рубль, лакею на чай не дали, но швейцару сооблаговолити вручить двугривенный. Повидимому, насъ приняли за иностранцевъ, такъ какъ Гроздовъ—рижанинъ и латышъ—говорилъ для шику по нѣмецки и лакей отвѣчалъ ему тоже по нѣмецки. Ѣздили въ Петровско-Разумовскую Академію къ товарищу Гроздова, онъ водилъ насъ въ академическій залъ-музей, по парку и пруду,—все очень понравилось.

Но театры были для меня новымъ міромъ, какъ бы открытіемъ Америки. Въ Рязани мнѣ раза два-три, вмѣстѣ съ другими семинаристами, удавалось бесплатно проникать на галерку къ концу спектаклей—фарсамъ и водевилямъ, да однажды ви-

дѣлъ гимнастику и фокусы. Теперь мнѣ удалось видѣть въ Маломъ Театрѣ серьезную и захватывающую пьесу Островскаго „Гроза“ въ игрѣ тогдашнихъ знаменитостей, а въ Большомъ слышать Жизнь за Царя и Снѣгурочку. Театръ буквально ошеломилъ меня. Я не могу объяснить: какъ, почему и чѣмъ, но я переродился, сталъ другимъ, возымѣлъ другое сердце, иной умъ, новыя чувства. Особенно очаровалъ меня Лель-Кадмина въ Снѣгурочкѣ. Никогда послѣ ни одинъ актеръ не производилъ на меня такого обаянія, чудилось что-то дѣйствительно сказочное, не теперешнее, не реальное, а какая то неуловимая греза, таинственная даль безъ рѣзкихъ очертаній,—тонкая и трепещущая эирность,—нѣжное, задумчиво-грустное, волшебное привидѣніе. Чувствовалось, что это—не отъ міра сего. Не потому ли она такъ безвременно рано и покинула этотъ міръ?

Я воротился въ Академію подъ полнымъ очарованіемъ Меля. Его образъ почти цѣлый годъ ежедневно съ утра до ночи и даже во снѣ стоялъ предъ моими глазами, — его пѣсни неотступно звучали въ моихъ ушахъ.

Отвлеченіемъ и спасеніемъ отъ этого наважденія для меня служили: разбѣяность общежитія среди товарищей и погруженіе въ занятія, особенно сочиненіями.

Студенческая жизнь собственно началась такъ называвшаяся „Генеральною“, т. е. выпивкою. ¹⁾ Отъ всякаго новичка требовалась извѣстная сумма, рубля два-три.—если не было наличныхъ, брали у эконома въ счетъ будущихъ бѣльевыхъ. На эти деньги распорядители Генеральной, подъ руководствомъ опытныхъ въ этомъ дѣлѣ студентовъ старшихъ курсовъ, закупили разныхъ винъ, закусокъ, чая и сахара, печеній, конфетъ, фруктовъ—всего въ изобиліи. Разставили въ чайной младшаго корпуса и часовъ въ 6 вечера началась Генеральная. Собрались всѣ студенты—всѣхъ курсовъ. Знакомились съ новичками, особенно земляки. На старшихъ курсахъ были только три рязанца: Доброхотовъ 4 к., Иня-

¹⁾ Въ отличіе отъ частныхъ или специальныхъ: 1-го октября, по случаю произнесенія проповѣдей, именинъ, подачи кандидатскихъ сочиненій, магистерскихъ диспутовъ. Преосв. Николай Варшавскій, двумя курсами старше меня (30-го курса, 1871—1875 г.) сообщаетъ, что эта выпивка называлась *канонизаціей*, но на нашемъ и на всѣхъ позднѣйшихъ курсахъ она именовалась просто „генеральною“.

кинъ 3-го и Бѣляевъ А. Д.—2-го. Я хотя и познакомился съ ними, но только шапочно. Вообще, по своей застѣнчивости, я ни съ кѣмъ изъ студентовъ старшаго курса не былъ близко знакомъ. Пили, закусывали, разговаривали, потомъ стали произносить рѣчи, но всего болѣе пѣли шумно и нестройно, нѣкоторые даже дикими голосами и благимъ матомъ, какъ бы желая перекричать другъ друга и побить рекордъ на оранье, что особенно удавалось одному студенту изъ старшихъ курсовъ. Пѣсни почти все старья, знакомья, семинарскія: „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ, Волга рѣченъка. Какъ на матушкѣ на Невѣ рѣкѣ, Мы по Питеру гуляли, Чарочки по столику похаживаютъ, Хуторокъ“ и др. Съ особенною экспрессіей запѣвало дикимъ и неистовымъ теноромъ выкрикивалъ: „сватался за вдовушку ученый кандидатъ. (въ семинаріи пѣли: семинаристъ); сказываль-показываль богачество свое,—семь словарей, все латинскіихъ“, причемъ бралъ въ руки по словарю и изъ всѣхъ силъ хлопалъ ими по столу. Но были и новенькія, мнѣ неизвѣстныя, особенно изъ малороссійскихъ: „Выплы въ поле косары, Солнце низенко, Заствистали казанченки“ и др. Особенно остроумны были мнѣ неизвѣстныя и неистощимые варианты Дубинушки, въ коихъ непосредственное творческое участие принималось и самими запѣвалами и притомъ примѣнительно къ студентамъ Академіи. Также Некрасовская: „Много пѣсенъ слыхаль я въ родной сторонѣ“.

Выпивать обязательно, даже насильственно заставляли всѣхъ. Кто не могъ крѣпкихъ напитковъ: водки, рома и коньяку, тѣхъ принуждали пить легкія вина: Кагоръ, Хересъ, Тенерифъ и такъ называвшееся Бѣлое,—и заставляли быть виночерпцями при столахъ.

Начальство знало объ этой выпивкѣ и терпѣло ее, по исконной традиціи. Вооружился противъ нея и даже на нѣкоторое время уничтожилъ ее первый П. И. Горскій, если не ошибаюсь, въ 1889-мъ году, а можетъ быть и ранѣе,—смѣло явившись въ столовую, онъ палкою перебилъ уже стоявшія на столахъ бутылки. Потомъ она на нѣкоторое время была восстановлена. Когда и кѣмъ уничтожена со-всѣмъ, этого не знаю пока.

Впрочемъ, упившихся „до положенія ризъ“, кажется, было весьма мало. Со старшихъ курсовъ я не знаю никого,

можетъ быть слѣдствія выпивки проявлялись послѣ въ ихнихъ номерахъ и спальняхъ,—а изъ новичковъ я помню только двухъ-трехъ.

Но одинъ изъ нихъ стоилъ десятка. Явившись въ спальню, когда почти всѣ уже раздѣлись и разговаривали на койкахъ, онъ съ огромною силою началъ пшвырять и ломать весьма прочныя и тяжелыя табуреты, съ шумомъ и трескомъ надъ нашими головами бросать въ стѣны, у коихъ они разбивались въ дребезги. Всѣ убѣжали въ сосѣднія спальни. Кое-какъ его усмирили, и все окончилось благополучно. Спустя немного, кажется 1-го октября, тотъ же новичекъ, въ подобномъ же пьяно-буйномъ состояніи на монастырскомъ Смоленскомъ кладбищѣ повалилъ и испортилъ ночью нѣсколько намогильныхъ памятниковъ, за что и былъ немедленно уволенъ изъ Академіи. ¹⁾

Начались занятія.

Нашъ курсъ помѣстили въ трехъ номерахъ младшаго корпуса, въ нижнемъ этажѣ, со спальнями въ верхнемъ этажѣ надъ номерами,—по 10—11 человекъ въ номерѣ. А своекоштныхъ устроили въ одной изъ башенъ Лавры на счетъ монастыря. Двухъ помѣстили при канцеляріи писмоводителями. Въ каждомъ номерѣ стояли два широкіе продолговатые ясеневые стола съ прочными ясеневыми табуретами и одной-двумя массивными и тоже ясеневыми конторками. Столы — помѣстительные, можно было держать на нихъ много книгъ при себѣ, даже въ фоліантахъ. Сидѣли другъ противъ друга, у каждого сидѣнья въ столѣ находился выдвижной ящикъ съ ключемъ, куда клались книги, бумага, перья, чай-сахаръ, табакъ. Бумага, перья и карандаши выдавались ежемѣсячно въ извѣстномъ количествѣ, а чернила всегда были въ наличности въ комнатѣ (конурой или печуркой называлась) номернаго служителя. На каждыи столъ, смотря по количеству сидѣвшихъ, полагалось по двѣ или по три свѣчи, сначала сальныя съ желѣзными щипцами—для снятія нагара фитильнаго,—но вскорѣ замѣненныя калетовскими или экономическими (низшій сортъ стеариновыхъ). Такъ на всѣхъ курсахъ, за исклю-

¹⁾ Онъ потомъ окончилъ курсъ въ Моск. Университетѣ на медц. факультетѣ и былъ врачомъ въ Москвѣ.

ченіемъ номерныхъ старшихъ, коимъ въ спальняхъ давались отдѣльный столикъ и свѣча. На конторкахъ поэтому можно было заниматься только при дневномъ свѣтѣ.

И несмотря на такое скудное освѣщеніе, ни я и никто, кажется, изъ товарищей не жаловался на порчу зрѣнія. Лѣтъ двадцать и послѣ окончанія курса я продолжалъ заниматься съ одною свѣчею, потомъ потребовались двѣ,— и только подъ старость пришлось прибѣгнуть къ лампѣ сначала въ 10, потомъ 15, а теперь въ 20 линій. Очки или пенсне только при чтеніи употребляю, но не ношу постоянно, съ 1898-го года, теперь № 18. Спальню съ койкою и постелью мѣнять не пришлось. Только чемоданчикъ, калоши и верхнее пальто надо было держать уже въ гардеробной, гдѣ у каждаго былъ также свой ящикъ съ замкомъ—для бѣлья и всего прочаго.

Надо было избрать языки и отдѣленіе. Изъ новыхъ я уже въ семинаріи порядочно напрактиковался по-нѣмецки, похуже зналъ языкъ французскій, а англійскій не зналъ совсѣмъ. Записался на французскій—для экзамена и на англійскій—для изученія. Изъ древнихъ избралъ греческій, какъ болѣе потребный для исторіи философіи и для богословія.

Безъ колебаній записался я и на отдѣленіе богословское. Это внушали мнѣ уже семинарскіе наставники, къ исторіи семинарія образовала во мнѣ отвращеніе, напротивъ къ богословію я имѣлъ особенное расположеніе. И среди студентовъ тогдашнихъ установился взглядъ на богословское отдѣленіе, какъ на самое серьезное и главное, гдѣ былъ и самъ „Папаша“. Объ историческомъ говорили, что хотя оно и интересно, но слишкомъ обременено лекціями и много долбни. Практическое нѣсколько какъ бы презиралось и считалось самымъ легкимъ—для дѣльцовъ-практиковъ, желающихъ съ наименьшею затратою силъ получать обильнѣйшіе плоды. Характеристика, какъ потомъ я убѣдился, не только безосновательная, но и ложная. Богослова могли быть и бывали и на историческомъ и на практическомъ отдѣленіяхъ; какъ и историками и практиками—богослова, а практики—и богословами и историками. Все зависѣло отъ личныхъ расположеній и дарованій студентовъ и профессоровъ.

Походилъ я на первыхъ порахъ, любопытства ради, по лекціямъ всѣхъ, тогда читавшихъ преподавателей всѣхъ

отдѣленій и съ великою скорбью въ душѣ долженъ былъ сознаться, что въ выборѣ отдѣленія сдѣлалъ большой промахъ! Не только историки, особенно Ключевскій, но и практики, не говоря уже объ Амфитеатровѣ, даже скучнѣйшіе Мансветовъ и Лавровъ—были интереснѣе всѣхъ богослововъ, не исключая и самого папаша. Я увидалъ, что исторія изучается въ Академіи совсѣмъ не такъ, какъ въ семинаріи, но идейно и прагматически,—и что никакой страшной для меня долбежки тутъ нѣтъ. Но еще рѣшительнѣе измѣнили мой семинарскій взглядъ на исторію прочитанные тогда мною въ русскомъ переводѣ Тэнъ и Фюстель-де-Куланжъ, а также Дрәпперъ и Гизо,—книги, находившіяся тогда у моихъ товарищей-историковъ.

Но ошибка была поправима,—старшіе студенты говорили, что всегда можно переписаться,—надо только подать ректору прошеніе. Впрочемъ предупреждали, что это будетъ непріятно папашѣ, такъ какъ онъ особенно ревновалъ о *своемъ*, богословскомъ отдѣленіи.

Написалъ прошеніе и послѣ ужина иду къ А. В—чу. Избралъ нарочно тотъ день, когда мнѣ надо было идти къ нему въ качествѣ дежурнаго по классу и столу.

Выходитъ такой же, какъ при первомъ приѣмѣ: свѣтлый, ласковый, милый. Благословляетъ, беретъ меня подъ руку и ведетъ по ковру-дорожкѣ для обычной его прогулки въ залъ и гостиной. Дрогнуло сердце во мнѣ, но я остался твердъ въ своемъ намѣреніи. Спрашиваетъ о столѣ, о прочитанныхъ лекціяхъ. Тутъ я вынимаю изъ лѣваго кармана сюртука прошеніе... Остановился папаша, отнялъ руку и сталъ противъ меня. „Что такое?“—спрашиваетъ тревожно. Говорю: „Прошеніе о переводѣ меня на историческое отдѣленіе“.—„Какъ? Почему?“ спрашиваетъ. Отвѣчаю: „Тамъ профессора лучше!“—Увы! И самъ Горскій у меня попалъ въ худшіе профессора. Какую глубокую обиду нанесъ я тогда! Прости Папаша! „Да кто же, да чѣмъ же лучше?“ скороговоркою и съ волненіемъ спрашиваетъ. „Да вотъ, говорю, на примѣръ, Ключевскій, Касицынъ...“, а на богословскомъ кто же, кромѣ Васъ?“ Увы мнѣ это „кромѣ Васъ“. Какая новая обида для А. В—ча. Но я тогда развѣ понималъ, что одинъ папаша стоялъ больше и стоялъ выше всѣхъ остальныхъ преподавателей Академіи вкупѣ? Со стыдомъ расска-

зываютъ теперь объ этихъ грубостяхъ рязанскаго бурсака, хотя на рязанской бурсѣ я жилъ только одинъ день, ибо на другой былъ уже изгнанъ за куреніе папиросы въ гардеробной.

Послышался глубокой вздохъ папаша, какой онъ часто дѣлалъ при посѣщеніи лекцій преподавателей, когда онъ былъ недоволенъ или самими лекціями или же малочисленностью посѣтителей.

А. В.—чѣ началъ меня всячески убѣждать и уговаривать. Между прочимъ говорилъ, что я увлекся историческимъ отдѣленіемъ и думаю такъ о богословскомъ по моей неопытности,—что это мнѣ показалось такъ только на первый и поверхностный взглядъ,—что исторія есть только внѣшняя и часто мишурная одежда, а что тѣло и существо въ богословіи,—не въ интересныхъ разныхъ случаяхъ и случайностяхъ и не въ остроумно-хитросплетенныхъ комбинаціяхъ ихъ, а въ идеяхъ и идеалахъ, раскрываемыхъ богословіемъ въ догматахъ церкви,—и не въ блестящихъ литературныхъ характеристикахъ разныхъ историческихъ лицъ, а въ постиженіи и проникновеніи внутренняго божественнаго смысла исторіи, руководимой божественнымъ промысломъ и осуществляющей божественную волю,—особенно исторіи Церкви и главнѣйше — церковныхъ догматовъ, какъ высшихъ и точнѣйшихъ выразителей исторической истины и пр. въ томъ же родѣ. Говорилъ долго, увлекательно и съ неотразимою убѣдительностью.

Затѣмъ указалъ на то, что и на богословскомъ отдѣленіи всѣ дисциплины строятся на историческомъ основаніи: догматика на исторіи догматовъ, патристика — на историческомъ изученіи церковной литературы, также и сравнительное богословіе и нравственное... Глубокой вздохъ! Этотъ вздохъ, догадываюсь теперь, выражалъ или сопровождалъ затаенную мысль А. В.—ча о томъ, какъ плохо поставлены были въ то время эти дисциплины на богословскомъ отдѣленіи ¹⁾.

Наконецъ А. В.—чѣ какъ бы далъ мнѣ намекъ на то, что я свободно могу ходить на лекціи историковъ, даже во время специальныхъ лекцій богословскаго отдѣленія. Надо замѣ-

¹⁾ Объ этомъ рѣчь далѣе.

тить, что таковыхъ лекцій на первомъ курсѣ было только четыре, по патристикѣ, но преподаватель являлся рѣдко, и А. В.—чь конечно зналъ это. Такимъ образомъ для посѣщенія лекцій историческаго отдѣленія не было препятствій.

Я уже поколебался. Но окончательно я отказался отъ своего намѣренія тогда, когда папаша, убѣленный сѣдинами старецъ, сталъ говорить, что онъ былъ обрадованъ моимъ предпочтеніемъ богословскаго отдѣленія предъ другими, что онъ постарается дать мнѣ интересную тему для кандидатскаго сочиненія по догматикѣ,—что онъ, наконецъ, *упрашиваетъ* меня остаться богословомъ... Послѣдняго я не могъ выдержать,—мнѣ стало стыдно, что я заставляю папашу говорить это и я остался на богословскомъ отдѣленіи.

Все, что говорилъ папаша о богословіи и исторіи, было, конечно, сущая правда. Вѣрно и то, что мое увлеченіе лекторами историческаго отдѣленія было поверхностно и легкомысленно: вскорѣ же я охладѣлъ къ ихъ лекціямъ и пересталъ ихъ посѣщать. Но все же доселѣ тужу, что не перешелъ тогда съ богословскаго отдѣленія на историческое: папаша умеръ въ началѣ того года, когда я долженъ былъ писать кандидатское сочиненіе, и работать подъ руководствомъ папашы не пришлось, а изъ другихъ преподавателей отдѣленія писать было некому, да я и не желалъ. Пришлось работать по предмету общеобязательному, безъ всякаго руководства и на собственную тему. Между тѣмъ на отдѣленіи историческомъ были очень почтенные профессора и специалисты: Е. Е. Голубинскій, А. П. Лебедевъ, В. О. Ключевскій.

Покончивъ съ отдѣленіемъ, я принялся за работу: посѣщеніе лекцій, изученіе французскаго и англійскаго языковъ и писаніе третнихъ сочиненій, называвшихся у насъ почему-то семестряками-полугодичниками.

Предметы раздѣлялись на общеобязательные—для студентовъ всѣхъ отдѣленій и специальные—для каждаго отдѣленія особо. Общеобязательными на первомъ курсѣ были: Философія—В. Д. Кудрявцевъ четыре часовыхъ лекціи въ недѣлю, Психологія—А. П. Смирновъ—столько же, Священное Писаніе Ветхаго Завѣта—Н. А. Елеонскій 2 л., Естественнонаучная апологетика—Д. Θ. Голубинскій 2 л.,—новые—нѣ-

мецкій, французскій и англійскій языки по 2 л. и древніе—латинскій и греческій—по 2 л.

Философію, какъ называлась каѳедра на официальномъ языкѣ, или метафизику, по терминологіи студентовъ, т.-е. систему философіи читалъ В. Д. Кудрявцевъ. Неопустительно въ теченіе года онъ являлся въ аудиторію № 1 и читалъ лекцію 50 или 55 минутъ. Небольшаго, пожалуй даже малаго роста, съ несоразмѣрно большою, продолговатою головою,—съ немногими на ней уцѣлѣвшими длинными сѣдѣющими волосами, зачесанными слѣва на право для скуднаго прикрытія плѣши,—небольшимъ низкимъ и узковатымъ лбомъ,—большими, открытыми, рѣдко моргающими, сѣрыми глазами и густыми полусѣрыми бровями,—короткимъ сплюснутымъ носомъ, тонкими и длинными губами, скуловатымъ со впалыми щеками и сухимъ лицомъ желтоватаго цвѣта и небольшою, кругло подстриженною, бородою съ просѣдью,—старенькій официальный фракъ и жилетъ съ серебряно-пожелтѣлыми пуговицами: такова фигура В. Д. Кудрявцева. Небольшими медленными шагами короткихъ ногъ медленно взбирался онъ на огромную и неудобную каѳедру,—какъ бы утопая въ ней и теряясь за пюпитромъ, садился въ кресло,—медленно доставалъ изъ лѣваго кармана отчетливо, письмоводительски, безъ всякихъ помарокъ написанную тетрадку, откашливался, иногда сморкался и начиналъ чтеніе—медленное, ровное, спокойное, плавное, безъ повышеій и пониженій голоса, иногда только прерываемое кашлемъ, но отчетливое, ясное, всепонятное. Таково же и содержаніе и изложеніе лекціи: стройные, отчетливые, однообразные періоды („Но если—то почему,—хотя—однако,—какъ—такъ,—что касается—то“ и под.),—прозрачно-ясная, простая, убѣдительная мысль. Казалось, это было не изслѣдованіе или постиженіе истины человѣкомъ ея ищущимъ, а вѣщаніе уже о найденной истинѣ человѣка убѣжденнаго и обладающаго истиной. Первая лекція была посвящена отвѣту на вопросъ: „Что такое философія?“—Она эффектно начиналась извѣстною бесѣдою Пивагора съ Леономъ на эту тему. Эта, какъ и всѣ прочія лекціи В. Д.—ча, напечатана, съ нѣкоторыми измѣненіями, въ собраніи его сочиненій и потому не требуютъ отъ насъ изложенія ихъ содержанія. Сочиненія эти уже получили широкое распространеніе и оцѣнку людей ком-

петентныхъ. Но, какъ и все намъ еще очень близкое по времени, сочиненія В. Д — ча своей полной и безпристрастно-вѣрной оцѣнки должны ждать отъ будущихъ поколѣній и въ болѣе отдаленной исторической перспективѣ. Посѣщаль я эти лекціи болѣе или менѣе исправно, исправнѣе всѣхъ другихъ лекцій на первомъ курсѣ.

Психологію читаль Александръ Петровичъ Смирновъ (надо отличать отъ Андрея Петровича Смирнова—преподавателя библейской исторіи). Этотъ во всѣхъ отношеніяхъ представлялъ какое-то недоразумѣніе и странность. Человѣкъ еще не старшій, среднихъ лѣтъ, онъ страдалъ, можно сказать теперь уже прошлымъ русскимъ недугомъ. Посѣщаль лекціи не совсѣмъ исправно, жилъ уединенно, хотя и былъ женатъ,—добраться до него студенту едва ли было возможно, да къ нему и не ходили ни за книгами, ни за совѣтами. Являлся на лекціи въ двухъ видахъ: то подернутый румянцемъ и съ специфическимъ запахомъ,—то мертвенноблѣдный съ помутившимся взоромъ. Но въ обоихъ видахъ своихъ онъ одинаково былъ невозможенъ на кафедрѣ. Раскрывалъ тетрадь и какимъ-то замогильнымъ, невнятнымъ и нетвердымъ, нѣсколько гнусавымъ голосомъ начиналъ чтеніе, большею частію держа пальцы лѣвой руки у правой стороны рта, какъ будто у него ужасно ныль зубъ верхней челюсти. Не слыхавшимъ трудно и представить себѣ, что это было за чтеніе. Въ началѣ года, когда читалась исторія психологіи, еще можно было слушать, хотя и съ большимъ и непріятнымъ напряженіемъ. Надо замѣтить, что лекціи эти весьма сходствовали съ книжкою Владиславлева и очевидно истекли изъ одного источника. Но изложеніе самой психологіи было нѣчто невообразимое: длинные и многоэтажные періоды плохо переведеннаго Ульрици, съ нѣмецкою разстановкою словъ,—чтеніе, просто бессмысленное, съ остановками тамъ, гдѣ нѣтъ препинанія, и безостановочно, гдѣ это препинаніе есть, напримѣръ, въ половинѣ періода или предъ придаточнымъ предложеніемъ и послѣ него и под. Мнѣ было крайне противно слушать это издѣвательство надъ такою важною и всегда меня интересовавшею наукою. Иногда даже казалось, что лекторъ нарочно глумится надъ своими слушателями,—или же что у него страшно болитъ зубъ, и ему не до лекцій и не до слушателей.

Для меня было и остается полною загадкою, что эти лекціи у студентовъ старшихъ курсовъ и у нѣкоторыхъ моихъ товарищей считались очень дѣльными и глубокомысленными, а самъ лекторъ мнился очень освѣдомленнымъ въ своемъ предметѣ и умнымъ. Последнее—можетъ быть, но перваго доселѣ не могу понять. Ужъ не обычная ли это на Руси слава людей съ русскимъ порокомъ и не мудреность ли принималась за мудрость! Въ психологической литературѣ А. П.—чь неизвѣстенъ и впослѣдствіи онъ опустилса до того, что не напечаталъ даже своей рѣчи, по обязательному порученію Совѣта произнесенной имъ на публичномъ актѣ академическаго праздника 1-го октября 1882-го года, на тему: „Языкъ и разумъ“,—напечатанной послѣ смерти лектора въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“, и оказавшейся не оригинальной: По выслугѣ 25 лѣтъ, онъ тутъ же ушелъ въ отставку и вскорѣ окончался въ Москвѣ.

Священное Писаніе Ветхаго Завѣта читалъ тогда еще молодой доцентъ Н. А. Елеонскій. Его чтенія раздѣлялися на два курса, по 2 лекціи въ каждомъ. На первомъ курсѣ преподавалось общее введеніе—исторія канона и текста и о пятокнижии. Внѣшность молодого преподавателя, пока онъ не начиналъ говорить на кафедрѣ, была весьма внушительная: массивная голова, высокій открытый лобъ, большое русское лицо, широкія плечи и грудь. Все заставляло предполагать сильный голосъ и энергичную дикцію. Въ дѣйствительности наоборотъ: лекторъ имѣлъ видъ какой-то блаженный, читалъ или говорилъ тихо-умилительнымъ голосомъ, потрясалъ головой и узкой бородкой и дѣлалъ такіе жесты правойъ рукой, сжимая и разжимая ладонь предъ собою, что какъ-будто уяснялъ самому себѣ или же находившемуся предъ нимъ ребенку какой-нибудь трудный урокъ. А между тѣмъ содержаніе лекцій отличалось крайнею элементарностью, въ родѣ семинарскаго учебника Хергозерскаго, только съ нѣкоторыми еврейскими словами: берешить, ве-элле-шемотъ, тора и под. Студенты называли его и его предметъ „шебала“. Почему, не знаю. Можетъ быть потому, что онъ употреблялъ на лекціяхъ еврейскія слова предъ слушателями, не знавшими и знать не обязанными еврейскій языкъ: богословы изучали еврейскій языкъ только на второмъ курсѣ, а историки и практики совсѣмъ его не

изучали. Запомнилась первая лекція. Съ славянской Библией большого формата въ листъ—Елизаветинскаго изданія, плотно сложенный и коренастый лекторъ медленно усѣлся на кафедрѣ, торжественно положилъ предъ собою Библию и вмѣсто ожидавшейся энергичной дикціи, едва слышно, блаженно-умилительнымъ и елейнымъ гласомъ, потрясая большою головою, широкимъ лицомъ и узкою бородкою, сжимая и разжимая предъ собою ладонь, при всеобщей тишинѣ ожиданія, началъ такъ:

„Библия, Библия! Сколько вѣковъ пронеслось надъ тобою? Какія бури и волненія ты пережила? Сколько слезъ и крови пролито изъ-за тебя?“ и прочее въ томъ родѣ, съ краткимъ указаніемъ судьбы Библии до новѣйшей отрицательной критики ея.

Шутники скоро сочинили смѣшную пародію на эту лекцію въ видѣ слѣдующаго, якобы подслушаннаго, разговора Н. А—ча съ извозчикомъ предъ лаврскими вратами. Идетъ послѣ лекцій Н. А—чъ домой съ тяжелою славянскою Библиею въ рукахъ и нанимаетъ извозчика довести его до квартиры: „Извозчикъ, извозчикъ! сколько возьмешь ты довести меня до квартиры“?—Тотъ отвѣчаетъ: „Двадцать копѣекъ“. На это Н. А., указуя на Библию; „Извозчикъ, извозчикъ! Знаешь ли, какая это книга? Ты не знаешь этой книги. Если бы ты зналъ, сколько вѣковъ и т. д. буквально изъ лекціи,—то ты навѣрно доведъ бы меня за 5 копѣекъ“. Особенно хорошо удавался этотъ анекдотъ студенту 3-го курса Н. А. Богданову, неподражаемо точно передававшему фигуру, манеру и голосъ Н. А—ча,—да, судя по всему, онъ самъ и сочинилъ этотъ анекдотъ, ибо былъ большой мастеръ художественно изображать всѣхъ своихъ знакомыхъ.

Впрочемъ, какъ профессоръ, Н. А. Елеонскій былъ любимъ студентами за его милый и благородный характеръ и чрезвычайно внимательное отношеніе къ студентамъ въ ихъ ученыхъ работахъ и на экзаменахъ. Только изъ-за меня у него вышла маленькая исторія съ Михаиломъ на моемъ магистерскомъ экзаменѣ, о чемъ будетъ сказано далѣе въ своемъ мѣстѣ.

Н. А—чъ былъ очень прилеженъ, добросовѣстно занимался своимъ предметомъ и изъ него навѣрно вышелъ бы дѣльный и плодотворный профессоръ и ученый, если бы

обычная въ духовенствѣ многочисленность, при скудости доцентскаго оклада, не вынудила его выѣхать изъ нашей Академіи въ Москву, на должность сначала законоучителя Петровско-Разумовской Академіи, а потомъ профессора Московскаго Университета, въ каковой онъ и окончилъ свою жизнь.

Припоминается, что когда я съ Ал. П. Лебедевымъ однажды посѣтили Н. А—ча въ Петровско-Разумовской Академіи, онъ въ разговорѣ бросилъ фразу, показавшуюся мнѣ непонятною, что здѣсь — въ Академіи — онъ сталъ умнѣе. Означало ли это, что въ бытность свою доцентомъ Духовной Академіи онъ не считалъ себя и не считался умнымъ,—или же онъ хотѣлъ указать на полученныя имъ здѣсь и ему прежде неизвѣстныя свѣдѣнія по естествознанію, въ частности по естественной географіи Палестины (онъ печаталъ о горахъ, рѣкахъ и пр. Святой Земли)—не знаю.

М. Муретовъ.
